

Глава 1

Из своей квартиры Расти Резерфорд вышел в понедельник утром, ровно через неделю после того, как его уволили с работы. Первые несколько дней он просидел за опущенными шторами, питаясь лишь запасами пиццы в морозилке и ожидая звонка. «...За допущенные серьезные недостатки в работе» — так было написано в приказе об увольнении. «Полная неспособность к руководящей деятельности. Весьма существенные и принципиальные просчеты». Просто невероятно. Абсолютное извращение истины. Это несправедливо, в конце концов. Просто пытаются свалить на него недавние городские проблемы. Но это... какая-то ошибка. Ни больше ни меньше. И это значит, что она должна быть исправлена. Причем очень скоро.

Томительно тянулись часы. Телефон молчал. А электронная почта была забита одним спамом.

Расти терпел еще день, потом включил свой старенький ноутбук. У него не было ни пистолета, ни ножа. Он не умел прыгать с парашютом, спускаться по веревке с зависшего над землей вертолета. Но все равно кто-то должен за все заплатить. Быть может, его реальным врагам и сойдет это с рук. На этот раз. Но не злодеям из компьютерных игр, что прислал ему приятель-программист. Прежде Резерфорд в эти игры не играл. Слишком много там ненужного насилия. Но теперь он больше так не считал. Хватит с ними церемониться и миндальничать. Если только, конечно...

Однако телефон не подавал признаков жизни.

Через двадцать четыре часа он уже побеждал, причем с очень большим счетом и с некоторым обезвоживанием организма, но в остальном все оставалось как прежде. Расти закрыл компьютер и снова завалился на диван. Большую часть следующего дня провел на нем, время от времени меняя диски с фильмами, которые не помнил, когда и где купил, и про себя умоляя Творца вселенной, чтобы тот вернул его на работу. Он клялся, что станет совсем другим. Более адекватным, покладистым. Терпимым. Более тактичным. И даже чутким. Станет покупать сотрудникам офиса пончики. Два раза в месяц. А если это надо для дела, то и три.

А телефон оставался мертвым.

Расти иногда выпивал, но не часто, хотя сейчас что еще оставалось делать? На экране пошли финальные титры очередного фильма. От них его уже тошнило, и он отправился на кухню. Достал из шкафчика непечатую бутылку виски. Вернулся в гостиную и поставил вконец запиленную пластинку Элмора Джеймса.

Потом отрубился прямо на полу, лицом вниз... и сколько так провалялся — неизвестно. А когда очухался, голова гудела, словно булыжники в ней перекатывались, грозя пробить череп и вывалиться. Казалось, страдания эти никогда не кончатся. Но когда похмелье в конце концов прошло, он поймал себя на том, что в душе поднимается некое новое чувство. Бунтарский дух. Ведь как бы там ни было, Расти не виноват в том, что случилась беда. Это и слепому видно, черт побери. Ведь он все предвидел заранее. И предостерегал своего босса. Причем неоднократно. И публично, и с глазу на глаз. А тот пропускал все мимо ушей. Снова и снова. И вот, отсидевшись неделю в своей берлоге, Резерфорд решил, что настало время высунуть нос и изложить свою точку зрения любому, кто захочет его слушать.

Он принял душ, подыскал в шкафу, во что одеться. Легкие хлопчатобумажные брюки и тенниска. Совершенно новенькие. Сдержанной расцветки, с фирменными лейблами, чтобы сразу видно было: у него серьезные намерения. Отыскал туфли в разных углах коридора, куда когда-то их зашвырнул. Подхватил лежащие на этажерке возле двери ключи и солнечные очки. Вышел на лестничную площадку. Прокатился в пустом лифте на первый этаж. Прошел по вестибюлю. Толкнул тяжелую дверь-вертушку, вышел и остановился на тротуаре. Утро было в самом разгаре, солнце жарило, как доменная печь: у него на лбу сразу выступили капли пота и вспотели подмышки. Расти с ходу охватило смятение. Ведь потеет всегда тот, кто виноват. Он где-то об этом вычитал, а ему отчаянно не хотелось выглядеть проштрафившимся. Он быстро огляделся, не сомневаясь в том, что все на него смотрят, будто он шагает по улице нагишом, и буквально силой заставил себя двинуться вперед. Прибавил шаг. На самом-то деле, конечно, большинство прохожих его даже не замечали. Хотя, если быть точным, внимание на него кое-кто обратил, но таковых оказалось всего только двое.

А в ту самую минуту, когда Расти Резерфорд выходил из своего жилища, Джек Ричер вламывался в бар. Это происходило в Нэшвилле, штат Теннесси, в семидесяти пяти милях к северо-востоку от сонного городишки, где жил Резерфорд, и Ричер пытался разрешить одну проблему. Прежде всего в практическом плане. Задачку из области физики. А также биологии. Если говорить более предметно, то она заключалась в том, как пристроить человека под потолком, не нанося при этом слишком серьезных остаточных повреждений. Хотя бы потолку. Сам мужик не слишком его волновал.

Бар, собственно, принадлежал этому подвешенному. В первый раз Ричер переступил порог бара сутками ранее. В субботу. Почти в воскресенье, потому что, когда он появился в этом городе, уже близилась полночь. Путешествие его проходило не сказать, чтобы очень гладко. В первом автобусе, где он ехал, ни с того ни с сего вспыхнул пожар, а водитель присланного ему на замену, не доехав до нужного поворота двадцати миль, свернул не туда и застрял под слишком низким мостом. После долгого неподвижного сидения в кресле мышцы Ричера одеревенели, и, выйдя из автобуса на остановке Грейхаунд, он отошел в сторонку, к месту для курения, и несколько минут разминал мышцы и разрабатывал суставы. Ричер стоял, наполовину скрытый в тени, а остальные пассажиры прохаживались взад-вперед, переговаривались, колдовали над телефонами; некоторые забирали багаж и постепенно разбредались кто куда.

А Ричер оставался на месте. Спешить ему было некуда. Приехал он позже, чем ожидал, хотя большой проблемы в этом не видел. Никаких встреч у него запланировано не было. Никто его не ждал, никто о нем не беспокоился, не сходил с ума. Главное сейчас — подыскать местечко, где можно переночевать. Ресторанчик, чтобы перекусить. И какой-нибудь, скажем, бар с хорошей музыкой. Это все еще вполне можно устроить. Не обязательно в том же порядке. Парочку пунктов можно и совместить. «Живы будем — не помрем», — подумал он. В некоторых гостиницах, в таких, где Ричер предпочитал останавливаться, если даже явиться поздно, — местечко найдется. Особенно если платишь наличными. А он всегда так и поступал.

«Сначала музыка», — решил Ричер. Он знал, что в Нэшвилле таких мест хватает, но сейчас ему хотелось чего-то особенного. Этакого несовременного, как старый пиджак. С традициями. Где в свое время,

скажем, мог бы играть Блайнд Блейк. Или даже Хаулин Вулф. А не новое, перестроенное, с наворотами. Вопрос только в том, как найти такое местечко. На автостанции лампы еще горели и внутри были люди: работали, ждали автобуса или просто сидели, не желая выходить на улицу. Кое-кто из них обязательно окажется местным. А может, и все местные. Можно поговорить, спросить, где найти такое местечко. Но он заходить внутрь не стал, решил положиться на свое чутье. Ричер знал, что такое большой город. Мог читать его как книгу по очертаниям домов, облику улиц — так опытный моряк читает море по направлению ветра и форме волн. Ричер нутром почувствовал, что сейчас надо двигаться на север. Он пересек широкий треугольный перекресток и направился к засыпанному щебенкой пустырю. Тяжелый дух дизельного топлива и табачного дыма остался за спиной, а тень перед ним с каждым шагом становилась все длиннее. Словно указывала дорогу к ряду узеньких, параллельно расположенных улочек, застроенных одинаковыми закопченными кирпичными домами. Похоже, какая-то промышленная зона, но совсем обветшавшая и заброшенная. Ричер не знал, какого рода бизнес процветал в Нэшвилле в прошлом, но здесь определенно когда-то что-то изготавливалось, продавалось или хранилось. А теперь здесь застой. Виднелись только одни безжизненные строения. «Впрочем, вряд ли надолго», — подумал Ричер. Либо снова откуда-нибудь притекут денежки и не дадут им окончательно рухнуть, либо наоборот.

Ричер сошел с крошащегося тротуара и продолжил путь посередине улицы. Он прикинул, что топать осталось пару кварталов. От силы три. И если не попадется что-нибудь стоящее раньше, Ричер свернет направо, к реке. Он прошел мимо заведения, где продают бэушные автомобильные покрышки. Потом складское помещение, используемое неким благотворительным обществом для хранения пожертвованной мебели. И когда переходил через следующую улицу, уловил рокот бас-гитары и перестук барабанов.

Звуки доносились из здания в центре квартала. Выглядело оно так себе, малоинтересно. Ни одного окна, вывески или указателя. Лишь простая деревянная дверь, а под ней тоненькая полоска желтого света. А к заведениям, где маловато потенциальных выходов, Ричер всегда относился с подозрением, поэтому хотел уже было не останавливаясь идти дальше, но как только поравнялся с дверью, она вдруг

отворилась. На тротуар вывалились двое мужчин, возрастом где-то под тридцать, оба в футболках без рукавов, руки разрисованы бледными татуировками. Чтобы не столкнуться с ними, Ричер взял в сторону, и в ту же секунду изнутри донесся скорбный вопль гитары. Ричер остановился. Неплохой однако риффец. Звук нарастал, усиливался, взлетал все выше, и как раз в тот момент, когда казалось, что он сейчас оборвется и последняя его нота замрет, мелодию вдруг подхватил женский голос. Печальный до безысходности, томительный и щемящий, в своей невообразимо глубокой скорби он словно зывал ко всей вселенной. Тут уж Ричер устоять никак не смог. Не колеблясь больше ни секунды, он переступил порог.

Внутри пахло пивом и потом, и само помещение оказалось намного ниже, чем ожидал Ричер. Еще оно оказалось шире, чем можно было подумать; практически здесь было два отдельных зала с «мертвой зоной» посередине. Тот, что справа, предназначался для любителей музыки. Сейчас их было десятка два с лишним: кто танцевал, кто стоя пританцовывал, а кто просто стоял и слушал. Сцена располагалась за ними, возле дальней стены на всю глубину помещения. Невысокая, сколоченная из досок от упаковочных ящиков и обшитая сверху деревянными листовыми панелями. С обеих сторон ее располагались усилители, а с потолка свисала парочка металлических кронштейнов с прожекторами. Певица стояла спереди по центру. Ричеру она показалась совсем крохотной. Ростиком самое большее футов пять и худенькая как тростиночка. Коротко подстриженные светлые волосы блестели так ярко, что Ричер подумал, уж не парик ли это. Слева от нее, ближе к двери, стоял гитарист. Еще один, тот, что играл на бас-гитаре, — на равном расстоянии справа. У обоих буйные, выющиеся шевелюры, высокие, острые скулы, и похожи они были друг на друга как близнецы-братья. На сцене была и ударная установка, и молотила на ней, похоже, женщина, но в задней части сцены была такая густая тень, что как следует разглядеть ее было трудно.

Левая часть помещения отводилась для выпивающих. Здесь стояло шесть круглых столиков, каждый с четырьмя стульями, и еще четыре табуретки у стойки, расположенной возле стены, противоположной сцене. Стойка бара была укомплектована обычными пивными кранами, холодильниками для бутылок и устройствами для дозировки спиртного. Вся стена была зеркальная, а в центре ее зияла дыра в

форме звезды. «Наверно, кто-то запустил бутылку», — подумал Ричер. Выглядело неплохо, Ричеру понравилось. Создает особую атмосферу. Но этого было маловато, чтобы затмить главный изъян заведения: перед стойкой бара с потолка свисали десятки женских лифчиков. А может, и сотни. Самых разных стилей, расцветок и размеров. Откуда они там взялись, знать Ричеру не хотелось. Но эта деталь дизайна показалась ему пошловатой. И совершенно необязательной. Да и с практической точки зрения ничего хорошего тут не было. Человеку достаточно высокого роста, чтобы подойти к стойке, придется либо раздвигать перед собой эти лифчики, либо нагибаться, чтобы пройти под ними. Ричер подождал, когда закончилась последняя песня, наклонил корпус и, извиваясь, добрался до ближайшей табуретки. В этой части помещения он оказался в единственном числе и по пустому выражению лица бармена так и не понял, рад ли тот его прибытию или нет.

— Кофе, — проговорил Ричер, когда бармен наконец обратил на него внимание. — Черный.

— Кофе нет.

— Ладно. Тогда чизбургер. Картошку фри. Без салата. И без пикулей. И колу.

— Чизбургеров нет.

— А что есть перекусить?

— Еды нет вообще.

— А где есть поблизости?

— Я не живу поблизости, — пожал плечами бармен.

Ричер взял стакан с колой и повернулся к сцене. Он надеялся, что выступит кто-нибудь еще, но там уже не было никаких признаков жизни. Половина публики успела переместиться к столикам. Остальные двинулись к выходу. Музыки больше не будет, надежда перекусить тоже угасла... Ричер подумал, что ему остается допить колу и двигаться на выход. Оказавшись на улице, он продолжил путь в прежнем направлении, куда шагал до того, как его заманили внутрь, но, дойдя до переулка в самом конце здания, вдруг услышал шум драки. Обернулся и чуть не столкнулся с гитаристом, игру которого только что слушал. Широко раскрыв от страха глаза, парнишка сделал шаг назад и, словно защищаясь, вскинул гитару вверх. Сзади в него чуть не врезалась певичка. Ричер поднял перед собой обе руки

ладонями вперед. Он прекрасно понимал, какое впечатление на них мог произвести его внешний вид. Верзила шести футов и пяти дюймов ростом. Весом двести пятьдесят фунтов. На голове лохматая копна нечесаных волос. Физиономия небритая. От таких, как он, в ужасе и с громкими криками разбегаются дети.

— Простите, ребята, — сказал он и попробовал ободряюще улыбнуться. — Я не хотел вас пугать.

Гитарист опустил футляр с гитарой, но с места не сдвинулся.

— Между прочим, вы отлично выступили, мне понравилось, — сказал Ричер. — Когда снова играете?

— Спасибо, — отозвался гитарист, продолжая стоять. — Скоро. Надеюсь.

— Здесь же?

— Нет, только не здесь.

— Почему? Не понравилась тусовка?

— Нет. Не понравился хозяин.

— Погодите, — вмешалась певичка, опалив Ричера грозным взглядом. — А вы что здесь делаете? Вы что, на него работаете?

— Я ни на кого не работаю. Но что не так с этим хозяином? В чем проблема?

Певичка секунду в нерешительности подумала, потом выставила один палец, за ним другой.

— Отказался нам платить — раз. И обворовал — два. Гитару забрал.

— Мою гитару, — добавил гитарист. — Запасную, хорошую.

— Серьезно? — Ричер сделал шаг назад. — Деловые люди так себя не ведут. Тут должно быть что-то еще.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила певичка и перевела взгляд на гитариста.

— Да ничего такого не было, — ответил тот. — Мы закончили выступление. Собрали вещи. Попросили заплатить. Он отказался.

— Не понимаю, — сказал Ричер и секунду помолчал. — В такие места музыка должна привлекать посетителей. А не служить антуражем. Это, черт возьми, ясно как дважды два. А чтобы иметь хорошую музыку, нужны музыканты. Не платишь музыкантам, — они не станут играть. Он что, враг своему бизнесу? Нет, вы, наверное, чем-то его разозлили.

— Вы ничего не понимаете в музыкальном бизнесе, — покачал головой гитарист.

— Ну так объясни, чтоб я понял.

— Зачем?

— Зачем? Затем, что я прошу тебя. Мне просто нравится узнавать что-то новенькое, учиться. Учение — свет.

Гитарист поставил футляр с гитарой на землю:

— Да что тут объяснять? Такое происходит постоянно. И с этим ничего не поделать.

— У музыкантов нет никаких прав, — сказала певичка и положила руку гитаристу на плечо. — Все зависит от хозяина заведения.

— Неужели у вас нет человека, который помог бы вам добиться справедливости? Импресарио, там... Или агент. Разве у музыкантов не бывает таких людей?

Гитарист покачал головой:

— У успешных, может быть, есть. А у нас нет.

— Пока, — добавила певичка.

— Ну а в полицию обратиться?

— Нет уж, — сказала певичка и отряхнула карман куртки. — Только не полиция.

— С полицией связываться себе хуже, — поддержал ее гитарист. — Пойдут слухи, что с нами всегда проблемы, никто не захочет нас приглашать.

— А что толку, когда приглашают и не платят?

— Толк в том, что мы должны выступать. Чтобы люди нас слушали.

Певичка постучала себя по уху:

— Как про нас узнают, если никто не слышит, как мы играем?

— Пожалуй, — согласился Ричер и помолчал. — Хотя, честно говоря, вам надо подумать о том, какой сигнал вы посылаете.

— Да какой еще сигнал! — Гитарист прислонился плечом к стене. — Проглотить и смириться. Больше нам ничего не остается.

— Может, хоть так пробьемся, — сказала певичка. — В конце концов.

Ричер на это ничего не сказал.

— Что молчите? Считаете, мы не правы?

— Может, я что-то не очень понимаю, — сказал Ричер и перевел взгляд на гитариста. — Но внутренний голос мне подсказывает, что вы всем своим видом говорите владельцам клубов: мол, обдирать нас как липку — это нормально. Мы, мол, сами рады-радешеньки, что нам ничего не платят.

— Чушь собачья, — сказала певичка. — Терпеть не могу, когда мне не платят. Что может быть хуже?

— А вы ясно дали ему понять, чего от него хотите?

— Конечно, — ответил гитарист и выпрямился. — Еще бы. Я потребовал, чтобы он заплатил. Он сделал вид, что собирается это сделать, и пригласил в свой кабинет. Только там нас ждал какой-то мордоворот. Вышибала. Огромный такой. Наверно, они заранее договорились обо всем, потому что хозяин ничего ему даже не говорил. А тот не ждал приказа. Сразу схватил меня за руку. За левую. — Он поднял левую руку для наглядности. — Ну вот, схватил за руку и прижал к письменному столу, где была такая металлическая пластина. Вся в зазубринах и вмятинах. И покрыта пятнами. В общем, прижал к ней руку, а хозяин обошел вокруг стола и открыл верхний ящик. И достал молоток. С гвоздодером с другой стороны. И этим гвоздодером расправил мне пальцы, чтоб растопырены были во все стороны. А потом и говорит: выбирай, что лучше — я тебе заплачу, но пальцы переломаю. Один за другим. Или же отпущу целеньким, но без денег.

В голове Ричера чей-то голос зашептал: да плюнь ты на все это и иди своей дорогой. Тебе что, чужих проблем не хватает? Но тут он вспомнил, как ярко, как виртуозно пела гитара этого парня. Вспомнил, как следил за пальцами музыканта, совсем не похожими на его собственные. Быстрые и изящные, как красиво, как искусно они бегали по струнам! И представил себе отморозка, который схватил его за руку. Хозяина, ловко орудующего молотком. И не двинулся с места.

— А хотите, я вернусь туда, — предложил Ричер. — Помогу хозяину рассмотреть вопрос под несколько другим углом. Может, он согласится и пересмотрит свою точку зрения на ваш гонорар за сегодняшний вечер.

— А у вас получится? — спросила певичка; по лицу ее было видно, что она не очень-то ему верит.

— Мне говорили, что я порой бываю очень убедителен.

— Но вы ведь тоже можете пострадать.

— Ну это вряд ли.

— У него молоток, — сказал гитарист и переступил с ноги на ногу.

— Не думаю, что дело дойдет до молотка. Но даже если и так, проблем не будет. Ну что, попробовать? Вам все равно терять ничего.

— Ну не знаю... я...

— Благодарю вас, — перебила его певичка. — Мы будем благодарны за любую помощь. Только будьте осторожны, пожалуйста.

— Я всегда осторожен. А теперь расскажите про гитару. Про вашу хорошую запасную. Он в самом деле забрал ее?

— Этот мордоворот забрал, — сказал гитарист. — Типа того. Из кабинета он пошел за мной и вырвал ее у меня из рук. И швырнул ее на лестницу в подвал, а сам посмотрел на меня таким диким взглядом, будто хотел сказать: ну что, слабо спуститься и поднять ее?

— И ты оставил ее там?

Гитарист отвернулся.

— Ладно, не переживай. Ты все сделал правильно.

Ричер помолчал.

— Дорогая? — спросил он.

— Где-то штука баксов, не знаю. — Гитарист пожал плечами. — Для меня это очень много.

— А хозяин с молотком? Как его зовут?

— Локхарт. Дерек Локхарт.

— Сколько обещал вам заплатить?

— Две сотни долларов.

— Хорошо. А кроме Локхарта и того, кто был с ним в кабинете, и кроме бармена, кто еще там работает?

— Больше никого.

— Нет, есть еще мальчишка, который убирает столики, — сказала певичка. — Он обычно торчит на улице, травку покуривает.

— Кто-нибудь еще?

— Нет.

— Какое-нибудь оружие видели в помещениях?

Они переглянулись и помотали головами.

— Ну что ж, тогда ладно. Как найти кабинет Локхарта?

— Он на втором этаже, — сказал гитарист. — А лестница за туалетами.

У барной стойки в одиночестве посасывал из бутылочки пиво последний посетитель. Бармен помахивал облезлой метлой между столиками и сценой. Больше на горизонте никого не было видно, и Ричер направился по проходу, мимо туалетов, к лестнице и поднялся наверх. Оказавшись на узенькой площадке, он увидел дверь. Она была закрыта. И за ней слышался чей-то голос. Мужской, сомневаться не приходилось, но слов было не разобрать. Человек говорил негромко. Ритмично. Словно что-то подсчитывал. Возможно, недельную выручку. Значит, скорее всего, закрыто на ключ. Ричер взялся за ручку. Повернул. И одновременно двинул в дверь плечом. Она поддалась легко, только деревянные щепки полетели во все стороны.

— Простите, джентльмены, — сказал он, шагнув в комнату, и отшвырнул кусок дерева обратно к изуродованной раме. — Я не знал, что тут заперто.

Комнатка оказалась совсем крохотная. Не кабинет, а какой-то шкаф. За столом, едва втиснувшись между ним и стенкой, плечом к плечу сидели двое. Один нормального размера — скорее всего, сам Локхарт. Второй — обрюзглый гигант, морда ящиком, — точно вышибала. Оба так и застыли на стульях, сидели не двигаясь. А вся поверхность стола была завалена кучами измятых, сальных банкнот.

— Кто ты такой, черт бы тебя подрал? — заорал Локхарт, быстро оправившись от шока.

— Меня зовут Джек Ричер. Я — представитель музыкальной группы, которая у вас играла сегодня вечером. Я пришел, чтобы поговорить о контракте.

— У них нет никакого контракта.

— Теперь уже есть.

Ричер ухватился за венский стул — других, кроме вышеперечисленных, предметов мебели в кабинете не обнаружилось, — попробовал его на прочность и сел.

— Ну все, вам пора, уходите немедленно, — сказал Локхарт.

— Но я ведь только что пришел.

— Вам нельзя находиться здесь. Мы считаем деньги.

— Вы ведь не до конца все обдумали, верно?

Локхарт ответил не сразу, ища в вопросе какой-то подвох.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы сказали, что мне здесь находиться нельзя. И все же я здесь, это и ежу понятно. Так что ваше рассуждение содержит ошибку.

— Вы можете уйти сами, — с преувеличенной четкостью проговорил Локхарт. — Иначе я могу вышвырнуть вас вон.

— Вы? Вы можете вышвырнуть меня вон?

Ричер позволил себе улыбнуться.

Локхарт сжал перед собой на столе кулак:

— Я могу приказать, и вас вышвырнут вон.

— Уверены? Ну и где же весь ваш народ?

— Весь народ, который мне понадобится, у меня под рукой. — Локхарт ткнул пальцем в своего компаньона.

— Этот? Начнем с того, что он у вас только один. В единственном, так сказать, числе. Значит, надо было так и сказать: «единственный, кто мне понадобится». Но и это ведь тоже не верно, как вы считаете? Потому что он, по всему виду, со своей работой вряд ли справится. Даже если я лягу здесь спать, он не сможет вышвырнуть меня вон. Даже если я помру в преклонном возрасте, ему все равно будет слабó.

Во время этой перепалки Ричер ни на секунду не отрывал глаз от амбала. И видел, конечно, как взгляд его метнулся в сторону Локхарта. И Локхарт едва заметно ему кивнул. Амбал встал. И Ричер понял, что у того есть единственный ход, имеющий шанс на успех. Броситься на него прямо через стол. Если проделать это достаточно быстро, он достанет раньше, чем Ричер вскочит на ноги. Даже если Ричер успеет встать, у амбала останется самое мощное его оружие. Это вес. Вышибала как минимум на сотню футов тяжелее Ричера. Вкупе со скоростью, с которой он рванется вперед, все его фунты обретут огромный запас кинетической энергии. И Ричер ни за что не сможет его отпарировать. Он наверняка будет сбит с ног и повалится спиной на пол. И окажется в весьма сложном положении. Будет зажат в углу, не в состоянии пустить в ход кулаки, ноги и локти. Не в силах даже вздохнуть. И тогда громиле придется только ждать. Просто лежать на нем, пока Ричер сам не отключится. В его жизни это будет самая легкая победа.

Но тот сделал неверный ход. Он не бросился на Ричера через стол, а решил обойти кругом. Для его телосложения ошибка весьма серьезная. Издевательский тон Ричера, видимо, отнял у него способность ясно соображать. Он уже не думал о том, чтобы просто

одержать победу. Он уже представлял себе, как с наслаждением молотит Ричера своими кулачищами. А это дало Ричеру секунду времени, чтобы схватить лежащую на столе металлическую тарелочку. Крепко зажал в ладонях ее края. И выпуклой частью двинул в горло атакующего, применив своего рода обратный прием гильотины. В результате смял ему глотку и перебил дыхание. Потом Ричер просто толкнул его в рожу; громила опрокинулся назад, туда, откуда начал движение, и, задыхаясь и бессвязно что-то лопоча, приземлился в угол.

— Обычно я так себя не веду, — сказал Ричер, снова усаживаясь на венский стул. — Чуть что — и в морду... нет, это не мой стиль. Я бы дал ему шанс встать и спокойно уйти. Но я вспомнил, что это ведь он отобрал у мальчика гитару. Поэтому и подумал: плевать мне на свои правила.

Локхарт судорожно полез в карман за мобильником.

— Надо срочно вызвать скорую, — пролепетал он.

— Ничего с вашим другом не сделается, — сказал Ричер. — Хотя кто его знает... Но пока он решает проблемы с дыханием, давайте возобновим наш разговор о контракте с музыкантами. Сколько вы пообещали им заплатить?

— Я ничего им не обещал.

Ричер провел пальцем по краю пластины:

— А мне кажется, обещали.

Локхарт метнулся в сторону, протянув руку к ящику стола. Ричер глазами проследил это движение и запустил в него пластиной, придав ей, словно тарелочке фрисби, вращательное движение. Она попала Локхарту точно в переносицу, раздробив кость и отбросив обратно на стул.

— Я начинаю думать, что эта игрушка — довольно опасная штука, — сказал Ричер, подобрал пластину и бросил ее на пол. — Не советую больше шутить с ней. Никогда. Итак... контракт. Назовите сумму.

— Двести долларов.

— Две сотни долларов — это первоначальная цифра. Но с тех пор, как она была согласована, вы проявили большой интерес к пальцам человеческой руки. Скажите мне, сколько их имеется, к примеру, на левой руке гитариста?

— Пять, — приглушенным голосом — из-за ограниченной подачи воздуха через дыхательные пути — прогнусавил Локхарт.

— С профессиональной точки зрения — четыре. Пятый палец — большой. Но я принимаю ваш ответ. Итак, двести долларов, помноженные на пять пальцев, получится...

— Тысяча.

— Прекрасно. Теперь у нас есть новая цифра. И мы готовы принять наличными.

— Размечтался.

— Я вижу, здесь у вас очень много наличных денег. Если вам трудно считать, может, я просто заберу сразу все и дело с концом?

— Хорошо, — чуть было не провизжал Локхарт.

Он выбрал две пачки банкнот и двинул их через стол.

— Отлично. А теперь давайте добавим штраф. Это будет еще пять сотен баксов.

Локхарт злобно сверкнул на него глазками, но передал-таки еще одну пачку.

— Ну вот, мы почти закончили. Осталась только некоторая доплата за утрату рабочего инструмента. Ровно одна тысяча.

— За какую такую...

— За гитару этого мальчика. Ваш приятель зашвырнул ее куда-то в подвал. Если хотите, можете вычесть у него из жалованья, но мой клиент из своего кармана платить за нее не намерен ни в коем разе.

Глазки Локхарта забегали взад-вперед по тающей куче наличности. Ричер почти видел, как шустро шевелятся извилины его мозгов, подсчитывая, сколько на столе осталось и возрастут ли у него шансы оставить хоть что-нибудь, если он не станет слишком кочевряжиться.

— Ладно. Еще тысяча. Но ни цента больше. И передай этим малолеткам: если они снова явятся, я переломаю им не только пальцы. И если даже не явятся, в этом городе они играть больше не будут.

Ричер покачал головой:

— Мы так хорошо с вами беседовали, кажется, обо всем договорились, а вы вот взяли и все поломали. Не дали мне даже закончить. Мы ведь обсудили только вопросы выплат. Но добраться до льгот еще не успели. А это очень важный вопрос, так что слушайте меня внимательно. У каждого члена музыкальной группы, которую я представляю, есть мой номер мобильного. Нажмет на кнопку, и я все

узнаю. Так вот, если хоть один волос упадет с головы любого из них, я снова приду к вам. И переломаю вам руки. А потом ноги. И прикажу развесить под потолком бара ваше нательное белье. Не снимая его с вас. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Локхарт закивал.

— Прекрасно. Итак, льготы. Льгота номер два: другие музыкальные группы. Даже не будучи их представителем, я предлагаю заключить всеобъемлющее соглашение. В порядке любезности. Можете считать это моим вкладом в развитие искусства. Это означает, что, если я хоть когда-нибудь услышу, что вы обобрали еще хоть одного музыканта, я вернусь. И заберу все ваши деньги. И подвешу-таки ваше нательное белье прямо над баром, то есть именно так, как я уже говорил. Об этом мы тоже договорились, так?

Локхарт кивнул.

— Превосходно. А чтобы вы не сомневались в моих словах, я буду время от времени делать выборочный контрольный визит. Итак, когда здесь играет следующая группа?

— Завтра.

— Хорошо. Надеюсь, эти музыканты будут не хуже сегодняшних. Но если даже и нет, помните, что им нужно платить.

Глава 2

Расти Резерфорд был не из тех, кто вечно болтается без дела в местной кофейне. Было время, когда он каждый день ходил в одну и ту же. И всегда по пути на работу. Чтобы только получить порцию кофеина, и ничего больше. Не затем, чтобы болтать с кем-нибудь попусту. Он не искал новых знакомств, собеседников, — все это ему было малоинтересно. Каждый день у него был похож на предыдущий. Он спокойно становился в очередь и, пока стоял, размышлял о накопившихся к этому дню проблемах. И располагал их в порядке очередности. Как только его кофе был готов, он брал его и уходил. Весь процесс носил чисто деловой характер и не имел к стадной жизни никакого отношения. И даже после того, как целую неделю он провел в одиночестве в своей квартире, разрушить эту привычку оказалось не так-то просто.

Постоянные посетители не давали ему повода влиться в их среду. Появление его, как правило, не вызывало у них особых эмоций. Нельзя сказать, что они были рады его видеть, но и недовольства не демонстрировали. Они не проявляли к нему никакого интереса. Как, впрочем, и неприязни. Словом, в происходящих в этом заведении процессах человеческого общения с таким же успехом вместо него мог участвовать и манекен. Однако в этот понедельник он чувствовал себя магнитом с противоположной полярностью. Ему казалось, что он отталкивает от себя всех окружающих. Те, что были поближе, сторонились его, старались держаться подальше, так что вокруг даже образовалось пустое пространство, несколько большее, чем обычно. В редкие моменты ему удавалось обменяться с кем-нибудь взглядами, но этот человек сразу отворачивался, и у Резерфорда даже мысль не успевала возникнуть, чтобы завязать с ним разговор. Когда почти подошла его очередь, он до сих пор ни с одним ближним не обменялся ни единым словом. Зато обратил внимание, как барменша общается с двумя стоящими впереди него мужчинами, когда они подошли, чтобы сделать заказ. Во-первых, она им улыбнулась. Во-вторых, спросила: «Ну что, как обычно?» А вот ему от нее досталось только молчание.

— Как обычно, пожалуйста, — сказал Расти.

— Что это значит — обычно?

Расти услышал, как за его спиной в очереди кто-то захихикал. Ему захотелось бежать. Но нет, он пришел сюда из принципа. Чтобы бороться за свои права. Пусть хихикают, это не поколеблет его решимости.

— По-домашнему, средней крепости, без молока.

— Ровно два доллара.

Барменша повернулась, схватила стаканчик «с собой» и хлопнула его на стойку.

— Нет, — покачал головой Расти. — Мне хочется выпить здесь.

Барменша бросила на него взгляд, в котором читалось: «Да что ты? А вот мне очень бы этого не хотелось».

— О, простите, все правильно, — сказала она вслух. — Как это я забыла. Вы же потеряли работу. И торопиться вам больше некуда.

Она выбросила стаканчик «с собой» в корзину с мусором, взяла нормальную чашку, налила, расплескивая кофе на блюдечко, и, подвигая к нему, пролила еще больше.

В тот самый момент, когда Расти заходил в кофейню, зазвонил телефон. Звук донесся в доме, расположенном где-то в миле от города. В комнате, где находились двое. Мужчина и женщина. Едва только аппарат принялся верещать, женщина сразу узнала мелодию мобильного. И все поняла. Значит, боссу нужно остаться одному. И, не дожидаясь его приказа, она встала. Захлопнула записную книжку. Сунула ее в карман передника и направилась к двери.

Мужчина убедился в том, что значок защищенной линии на экране мобильного горит зеленым цветом, и нажал кнопку.

— Сперанский, слушаю вас.

Конечно, Сперанский — не его настоящая фамилия, но вполне могла бы и быть ею. Этот рабочий псевдоним он использовал уже больше пятидесяти лет.

— Контакт, — прозвучало в трубке одно только слово.

Сперанский на секунду закрыл глаза и свободной рукой пригладил спутанные седые волосы. Кажется, время пришло. За многие годы он разрабатывал множество планов. Был участником многих операций. Пережил множество переломных моментов. Но никогда еще ставки не были так высоки.

Для него. Лично. И для единственного человека в его жизни, к которому он был неравнодушен.

Как раз в ту минуту, когда по этому телефону устанавливалась связь, Джек Ричер садился в машину. К полному своему удовлетворению — и к крайнему неудовольствию хозяина бара, — разрешив сложную проблему из области физики (а также биологии), он шагал к автобусной станции, собираясь последовать своему проверенному временем принципу, согласно которому надо садиться в первый же отходящий автобус, не важно, в какую точку земли он отправляется. Вдруг Ричер услышал, как за спиной к нему медленно приближается машина. Он наудачу выставил большой палец, и, к его удивлению, автомобиль остановился. Новенький, до блеска чистенький, ничем не примечательный. Скорей всего, взятый напрокат. Вероятно, в аэропорту. За рулем сидел опрятно одетый парнишка лет двадцати с небольшим. На нем был простенький темный костюмчик, он часто дышал и был бледен как полотно, из чего можно было сделать вывод, что он чем-то сильно расстроен и находится на грани настоящей паники. «Молодой бизнесмен», — подумал Ричер. Отпущен в первое самостоятельное дело. Боится запороть. И поэтому рушит все, к чему прикасается.

— Извините, сэр, — явно волнуясь, проговорил парень, еще более подчеркивая первое впечатление. — Вы не знаете, как добраться до шоссе I-40? Мне нужно ехать на запад. — Он ткнул пальцем в экран на приборной доске. — А этот навигатор все время врет. Все время посылает меня на какие-то несуществующие улицы.

— Знаю, — ответил Ричер. — Но на пальцах тут не объяснишь. Легче просто показать.

Парень явно заколебался, оглядел Ричера с головы до ног, будто только сейчас заметил, какой перед ним стоит крупный мужчина. Широкие плечи, мощная грудь. Немытые волосы. Небритый. Сеточка шрамов вокруг костяшек на пальцах громадных ручищ.

— Если, конечно, не хотите и дальше кружить по городу... — добавил Ричер, пытаясь изобразить на лице озабоченность.

Парнишка нервно сглотнул:

— А сами вы куда направляетесь?

— Мне все равно. Трасса I40 ничем не хуже остальных.

— Ну... ладно, — промямлил парень и секунду помолчал. — Садитесь, до трассы я вас подкину. Но там уже мне совсем близко. Вряд ли смогу подбросить, куда вам нужно.

— А вы далеко по ней едете?

— Миль семьдесят пять, не больше. Там есть один городишко, неподалеку от Плезантвилля. Вас устроит?

— А там есть кофейня?

Парень пожал плечами:

— Да есть, наверно. Если честно, я сам не знаю. Я там никогда не был.

— Ладно, думаю, устроит. Поехали.

Резерфорд взял чашку и тут только понял, что перед ним стоит еще одна непривычная дилемма. Куда сесть? Обычно у него таких проблем не возникало. Он брал свой кофе и уходил. И не видел десятка ошупывающих его недовольных глаз, пока он ищет ответ на вопрос, куда ему сесть. Расти боролся с желанием забраться в самый дальний угол кофейни. Это был бы наименее неприятный вариант, да, наверняка, но для того чтобы достичь поставленной им перед собой цели, он не годится. Возле окна тоже не пойдет: он еще не готов выставляться в витрине напоказ так открыто, — поэтому Резерфорд выбрал маленький столик в самом центре. Со столешницей, каждый квадратный дюйм которой был исцарапан надписями, и двумя стульями с обтянутыми красным винилом сиденьями. «Посетители развлекались», — подумал он, глядя на надписи. Тут были и слова из песенок. И какие-то стишки. И возвышенные афоризмы. Он пробежал по ним глазами, не нашел ничего созвучного его настроению и заставил себя поднять глаза. Сделал попытку встретиться взглядами с сидящими за другими столиками. Не получилось. Не считая ребенка, родители которого, когда до них дошло, что происходит, встали и вышли. Расти отхлебнул из чашки. Ему хотелось растянуть процесс как минимум на час. Он выпил весь кофе до самой гущи. Но все равно общения ни с кем, кроме как с барменшей, которая не упускала возможности время от времени бросать на него неприязненный взгляд, не получилось. Резерфорд заказывал еще кофе, менял столики. Но все без толку, удача от него отвернулась. Он выдержал еще сорок минут, а

потом барменша подошла к его столику и сказала, чтобы он либо заказывал что-нибудь поесть, либо уходил.

— Еды я заказывать у вас не стану, — сказал ей Расти. — Лучше уйду. Но завтра приду снова. И послезавтра. Буду приходить каждый день, пока все не убедятся, что я ни в чем не виноват.

Барменша окинула его озадаченным взглядом и ретировалась обратно к стойке.

Расти встал.

— Послушайте, — сказал он.

Никто не обратил на него никакого внимания.

— Послушайте! — повторил Расти, повысив голос. — То, что случилось с городом, — это полный отстой. И я это понимаю. Но я в этом не виноват. Ни капельки. Правда состоит в том, что я пытался это предотвратить. Один только я, и никто больше.

Посетители никак не реагировали.

Барменша перегнулась через стойку, держа в руке стаканчик с кофе «с собой».

— Возьмите кофе и уходите, мистер Резерфорд. Никто вам не верит. И никогда не поверит.

И как раз в то время, когда Расти Резерфорд покидал кофейню, Джек Ричер въезжал в его городок. Выехать из Нэшвилла в нужном месте не было для него проблемой. Он прекрасно ориентировался и находил дорогу, полагаясь на свое чутье, а также на приметы, которые запомнил, глядя в окошко автобуса во время субботней езды, так что ни разу не заплутал и уверенно вывел машину на нужную трассу. Достаточно уверенно, а если и было что, то водитель ничего не заметил. Как только они оказались за пределами города, Ричер попросил парня настроить радио на местный канал, где играют блюзы, откинул спинку сиденья и прикрыл веки. Тексты песенок были не всегда целомудренные, но парнишка не обращал внимания и болтал без умолку. Рассказывал про Нью-Йорк. Про страховую компанию, где он работал. Про то, что ему только что дали повышение и назначили представителем фирмы по переговорам, и это его первое самостоятельное задание. Что он прилетел утром и должен принять участие в совещании в региональном отделении компании. По дороге заблудился, не знал, как выехать на трассу, чтобы попасть в городишко,